

И. А. Бунин

Деревня

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. А. Бунин**
Деревня / И. А. Бунин – М.: Книга по Требованию, 2013. – 366 с.

ISBN 978-5-517-99065-5

ISBN 978-5-517-99065-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

1.

Прадѣда Красовыхъ, прозваннаго на дворѣ Цыганомъ, затравилъ борзыми ротмистръ Дурново. Цыганъ отбилъ у него, у своего господина, любовницу. Дурново приказалъ вывести Цыгана въ поле, за Дурновку, и посадить на бугрѣ. Самъ же выѣхалъ со сворой и крикнулъ: «Ату его!» Цыганъ, сидѣвшій въ оцѣпенѣннн, кинулся бѣжать. А бѣгать отъ борзыхъ не слѣдуетъ.

Дѣду Красовыхъ почему-то дали вольную. Онъ ушелъ съ семьей въ городъ — и скоро прославился: сталъ знаменитымъ воромъ. Нанялъ въ Черной Слободѣ хибарку для жены, посадилъ ее плести на продажу кружево, а самъ, съ какимъ-то мѣщанномъ Бѣлокопытовымъ, поѣхалъ по губернии грабить церкви. Года черезъ два его поймали. Но и на судѣ онъ велъ себя такъ, что долго повторяли его отвѣты судьямъ: стоитъ себѣ, будто бы, въ плисовомъ кафтанѣ, при серебряныхъ часахъ, въ козловыхъ сапожкахъ, нахально играетъ скулами, глазами и почтительнѣйше сознается даже въ самомъ малѣйшемъ изъ своихъ несмѣтныхъ дѣлъ:

— Такъ точно-съ. Такъ точно-съ.

А родитель Красовыхъ былъ мелкимъ шибаемъ. Ыздилъ по уѣзду, жилъ одно время въ Дурновкѣ,— завель-было шинокъ и лавочку,— но прогорѣлъ, запилъ, воротился въ городъ и вскорѣ умеръ. Послуживъ по лавкамъ, торгашили и сыновья его, Тихонъ и Кузьма, почти однолѣтки. Тянутся, бывало, въ телѣгѣ съ рѣзнымъ передкомъ, съ рундукомъ посередкѣ, и заунывно орутъ:

— Ба-абы, това-ару! Ба-абы, това-ару!

Товаръ — зеркалаца, мыльца, перстни, нитки, платки, иголки, крендели — въ рундукѣ. А въ телѣгѣ все, что добыто:дохлыя кошки, яйца, холсты, тряпки...

Но, проѣздивъ нѣсколько лѣтъ, братья однажды чуть ножами не порѣзались,— по слухамъ, изъ-за барышей,— и разошлись отъ грѣха. Кузьма нанялся къ гуртовщику, Тихонъ снялъ постоянный дворникъ на шоссе при станціи Ворголь, верстахъ въ пяти отъ Дурновки, и открылъ кабакъ и «черную» лавочку, «торговлю мелочного товару чаю сахару табаку сигаръ и прочего.»

Годамъ къ сорока борода Тихона уже походила на серебро съ чернью. Но красивъ, высокъ, строень былъ онъ попрежнему: лицомъ строгъ, смугль, чуть-чуть рябъ, въ плечахъ широкъ и сухъ, въ разговорѣ властенъ и рѣзокъ, въ движеніяхъ быстръ и ловокъ. Только брови стали

сдвигаться все чаще да глаза блестятъ еще острѣй, чѣмъ прежде: дѣло того требовало!

Неутомимо гонялъ онъ за станowymi — къ тѣмъ глухія осеннія поры, когда взмскиваютъ подати и идутъ по деревнѣмъ торги за торгами. Неутомимо скупалъ у помѣщиковъ хлѣбъ на корню, снималъ у нихъ и у мужиковъ землю — по частямъ, не гребуя даже полпшвой. Жилъ онъ долго съ нѣмой кухаркой, — «нѣмая-то ничего не разберешеть!» — имѣлъ отъ нея ребенка, котораго она приспала, задавила во снѣ, потомъ женился на пожилой горничной старухи-княжны Шаховой. А женившись, взявъ приданого, «доконать» потомка обнищавшихъ Дурново, полнаго, ласковаго барчука, лысаго на двадцать пятый годъ, но съ великолѣпной каштановой бородой, — «прогрессиста», какъ острили помѣщики, намекая на прогрессивный параличъ. И мужики такъ и ахнули отъ гордости, когда взялъ онъ дурновское имѣнье: вѣдь чуть не вся Дурновка состоитъ изъ Красовыхъ!

Ахали они и на то, какъ это ухитрился онъ не разорваться: торговать, покупать, чуть не каждый день бывать въ имѣньи, ястребомъ слѣдить за каждой пядью земли... Ахали и говорили:

— Да вѣдь съ памц, чертями, добромъ-то и не подѣлаешь ничего! Зато и хозяйни! Нѣту справедливѣе!

А убѣждалъ ихъ въ этомъ самъ же Тихонъ Шлычъ. Въ добрую минуту наставлялъ:

— Живемъ — не мотаемъ, попадешься — оборотаемъ. Но по справедливости. Я, братъ, человѣкъ русскій.

Въ злую, блестя глазами, отрѣзалъ:

— Свинья! Справедливѣй меня человѣка нѣтъ!

«Свинья, да не я», — думалъ мужикъ, отводя глаза отъ его взгляда.

И покорно бормоталъ:

— Господи! Да ай мы не знаемъ?

— Знаешь, да збыль. Миѣ твоего даромъ не надо, но имѣй въ виду: своего я тебѣ тринки не отдамъ! Воиъ у меня братъ: злодѣй миѣ, пьянчужка, а я то бы помогъ, кабы пришелъ да поклонился. Передъ истиннымъ Богомъ, помогъ бы! Но баловать,— нѣтъ, замѣть, не побалуе. Я, братъ, не хохоль безмозглый.

А Настасья Петровна, ходившая по-утинному, поскани внутрь, переваливаясь,— отъ постоянной беременности, все кончавшейся мертвыми дѣвочками,— желтая, опухшая, съ рѣдкими бѣлесыми волосами, стонала, поддакивала:

— Охъ, и простъ же ты, посмотрю я на тебя! Что ты съ нимъ, глупымъ, трудиться? Конпаньонъ онъ тебѣ? Ты его уму-разуму учишь, а ему и горя мало. Ишь ноги-то разставилъ, — эмпрскій бухаръ какой!

«Страшная охотница» до свиней и птицы была она, и Тихонъ Ильичъ сталъ выкармливать порослятъ, пидюшекъ, куръ, гусей: за станціей былъ казенный прудъ. Пуще же всего прирастился онъ къ ссыпкѣ хлѣба. Осенью возлѣ двора его, стоявшаго однимъ бокомъ къ шоссе, другимъ къ станціи, стономъ стоная скрипя колеса: обозы сворачивали и сверху и снизу. А на дворѣ почевали лошадики, шибан, птичники, крендельщики, косники, богомолки: И поминутно визжалъ блокъ на двери въ кабакъ, гдѣ отпускала Настасья Петровна, то на двери въ лавку, — темную, грязную, крѣико пахнущую мыломъ, сельдями, махоркой, мятымъ пряникомъ, хомутиной, керосиномъ. И поминутно раздавалось въ кабакѣ:

— У-ухъ! И здорова же водка у тебя, Петровна! Ажъ въ лобъ стукнула, пропади она пропадомъ.

— Сахаромъ въ уста, любезный!

— Либо она у тебя съ нюхальнымъ табакомъ?

— Вотъ и вышелъ дуракомъ!

А въ лавкѣ было еще людиѣ:

— Пльичъ! Хунтикъ ветчинки не отвѣсишь?

— Ветчинкой я, братъ, понѣшній годъ, благодаря Богу, такъ обезпеченъ, такъ обезпеченъ!

— А почему?

— Дешевка!

— Хозяинъ! Деготь у васъ хорошій есть?

— Такого дегтю, любезный, у твоего дѣда на свадьбѣ не было!

— А почему?

И казалось, что никогда и не было у Красовыхъ иного разговору, кромѣ толковъ, что почему: почему ветчина, почему тесь, почему крупа, почему деготь...

Потеря надежды на дѣтей и закрытіе кабаковъ были крупными событіями. Тихонъ Ильичъ явно постарѣлъ, когда уже не осталось сомнѣній, что не быть ему отцомъ. Сперва онъ пошучивалъ:

— Нѣтъ-съ, ужъ я своего добьюсь, — говорилъ онъ знакомымъ. — Безъ дѣтей человекъ — не человекъ. Такъ, обѣвокъ какой-то...

Потомъ даже страхъ сталъ нападать на него: что же это, — одна приспала, другая мертвыхъ рождаетъ! И время послѣдней беременности Настасьи Петровны было тяжкимъ временемъ. Тихонъ Ильичъ томился, злобился; Настасья Петровна тайкомъ молилась, тайкомъ плакала и была жалка, когда потихоньку слѣзала по ночамъ, при свѣтѣ лампадки, съ постели, думая, что мужъ спитъ, и начинала съ трудомъ становиться на колѣни, съ шопотомъ припадать къ полу, съ тоской смотрѣть на иконы и старчески, мучительно подниматься съ колѣнъ. Прежде она передъ сномъ надѣвала туфли, кофточку, молилась разсѣянно, а помолясь, любила перебрать

знакомыхъ, поругать ихъ. Теперь передъ образомъ стояла простая баба въ короткой бумазейной юбкѣ, въ бѣлыхъ шерстяныхъ чулкахъ и въ рубашкѣ, не закрывавшей шеи и по-старушечьи полныхъ рукъ. Съ дѣтства, не рѣшаясь даже самому себѣ признаться, не любилъ Тихонъ Ильичъ лампадокъ, ихъ невѣрнаго церковнаго свѣта: на всю жизнь осталась въ памяти та ноябрьская ночь, когда въ крохотной, кособокой хибаркѣ въ Черной Слободѣ тоже горѣла лампадка, — такъ смиренно и ласково-грустно, — чуть двигались тѣни отъ цѣпей ея, было мертвенно-тихо, на лавкѣ, подъ святыми, неподвижно лежалъ отецъ, закрывъ глаза, поднывъ острый носъ и сложивъ на груди большія плово-восковые руки, а возлѣ него, за окошечкомъ, завѣшеннымъ красной тряпкой, съ буйно-тоскливыми пѣснями, съ воплями и не въ ладу орущими гармониками, проходили годные... Теперь лампадка горѣла постоянно. И Тихонъ Ильичъ чувствовалъ, что ведетъ Настасья Петровна какое-то таинственное дѣло съ невѣдомыми силами.

Кормили возлѣ постоялаго двора лошадей владимирскіе коробочники — и въ домѣ появился «Новый полный оракулъ и чародѣй, предсказывающій будущее по предложеннымъ вопросамъ съ присовокупленіемъ легчайшаго способа гадать на картахъ, бобахъ и кофѣ». И Настасья Петровна надѣвала по вечерамъ очки, катала

пъзъ воска шарикъ и начинала кидать его на круги оракула. А Тихонъ Пльичъ пекоса поглядывалъ. Но отвѣты получались все грубые, зловѣщїе или безсмысленныя.

— «Любитъ ли меня мой мужъ?» — спрашивала Настасья Петровна.

И оракуль отвѣчалъ:

— «Любитъ, какъ собака палку».

— «Сколько дѣтей будетъ у меня?»

— «Судьбой назначено тебѣ умереть, худал трава изъ поля воиъ».

Тогда Тихонъ Пльичъ говорилъ:

— Дай-ка я кину...

И загадывать:

— «Затѣвать ли мнѣ тяжбу съ пзвѣстною мнѣ особю?»

Но и ему выходила челуха:

— «Считай во рту зубы».

И оракула смѣнилъ Чугунокъ.

Дурновскїй мужикъ Чугунокъ, — небольшой, кряжистый, съ необыкновенно высокой и плотной грудной клѣткой, съ живыми коричневыми глазами на широкомъ смугломъ лицѣ, — былъ мужикъ хорошїй и хозяйственный, но со странностями: онъ теноромъ пѣлъ пѣсни, и пѣлъ чаще всего съ бабами и по-бабьи, былъ большой балатуръ и сплетникъ, лѣчилъ заговорами и настоями, могъ сбѣгать обыденкой въ городъ — «не оставалъ отъ тройки!» — и велъ знакомство съ

колдунамъ, которыми спокоитъ вѣку поля Басовка, деревушка верстахъ въ трехъ отъ Дурновки. И вотъ этого-то Чугунка и заставлялъ Тихонъ Ильичъ на какихъ-то таинственныхъ переговорахъ съ Настасьей Петровной, сразу обрывававшихся при его появленіи. Заставлялъ—п мгновенно дѣлалъ видъ ничего не замѣтившаго человѣка, прикидывался, что ничего не знаетъ о бутылочкахъ съ наговорной водой, которыя то и дѣло доставлялъ Чугунокъ Настасьѣ Петровнѣ. Въ глубинѣ-то души и онъ надѣялся, что Чугунокъ поможетъ.

Но и отъ Чугунка мало было проку. Разъ, заглянувъ въ пустую кухню, Тихонъ Ильичъ увидаль жену возлѣ люльки кухаркина ребенка. Пестренькій цыпленокъ, попискивая, бродилъ по подоконнику, стучаль клювомъ въ стекла, ловя мухъ, а она сидѣла на нарахъ, качала люльку и жалкимъ, дрожащимъ голосомъ пѣла старинную колыбельную пѣсню:

Гдѣ мой дитятко лежитъ?
Гдѣ постелюшка его?
Онъ въ высокомъ терему,
Въ колыбелькѣ расписной.
Не ходите къ намъ никто,
Не стучите въ терему!
Онъ уснулъ, започиваль,
Темнымъ пологомъ покрыть,
Расцвѣченою тафтой...

И такъ измѣнилось лицо Тихона Ильича въ

эту минуту, что, взглянувъ на него, Настасья Петровна не смутилась, не оробѣла, — только заплакала и, сморкаясь, тихо сказала:

— Отвези ты меня. Христа ради, къ угѣднику...

И Тихонъ Ильичъ повезъ ее въ Задонскъ. Но дорогой думалъ, что все равно Богъ долженъ наказать его за то, что онъ, въ суетѣ и хлопотахъ, только подъ Свѣтлый день бываетъ въ церкви. — живетъ, какъ татаринъ. Да и лѣзли въ голову кощунственныя мысли: онъ все сравнивалъ себя съ родителями святыхъ, тоже долго не имѣвшими дѣтей. Это было не умно, но онъ уже давно замѣтилъ, что есть въ немъ еще кто-то — глушій его. Передъ отъѣздомъ онъ получилъ письмо съ Аѳона: «Боголюбивѣйшій благодѣтель Тихонъ Ильичъ! Миръ вамъ и спасеніе, благословеніе Господне и честный Покровъ Всепѣтой Богоматери отъ земного Ея жребія, св. горы Аѳонской! Я имѣлъ счастье слышать о вашихъ добрыхъ дѣлахъ и о томъ, что вы съ любовью удѣляете лепты на созиданіе и украшеніе храмовъ Божіихъ, на келліи иноческія. Нынѣ хижина моя пришла отъ времени въ такое ветхое состояніе...» И Тихонъ Ильичъ послалъ на поправку этой хижины красненькую. Давно прошло то время, когда онъ съ напвной гордостью вѣрилъ, что и впрямь до самаго Аѳона дошли слухи о немъ, хорошо зная, что ужъ слишкомъ много аѳонскихъ хи-